

Тимоти Снайдер

Украинская история
российская политика
европейское будущее

ДУХ І ЛІТЕРА

Тимоти Снайдер

**УКРАИНСКАЯ ИСТОРИЯ,
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА,
ЕВРОПЕЙСКОЕ БУДУЩЕ**

*Под общей редакцией
Алексея Панича*

ДУХ І ЛІТЕРА

УДК 940
С53

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
«КИЕВО-МОГИЛЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ»
ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Тимоти Снайдер. Украинская история, российская политика, европейское будущее. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА. — 2014. — 248 с. (Библиотека Европейского Форума) ISBN 978-966-378-360-4

В новой книге Тимоти Снайдера собраны его статьи и публичные выступления, опубликованные с декабря 2013 по август 2014 года. Впервые публикуется полный текст лекции Снайдера в Киево-Могилянской академии и последующей дискуссии. Из текстов Снайдера складывается картина современных украинских событий в контексте европейской истории.

Для широкого круга читателей.

Издатели: Константин Ситов,
Леонид Фишберг

Перевод: Алексей Панич, Александр Марков,
София Исмаилова, Евгения Комарова,
Марина Соколик, Татьяна Урбан,
Олеся Яремчук, Николай Сарух

Лит. редактирование: Алексей Панич,
Любовь Сумм

Корректура: Наталья Анискоенко
Компьют. верстка: Валентин Залеский
Худ. оформление: Ирина Пастернак

Издание книги стало возможным при поддержке
Отдела прессы, образования и культуры
Посольства США в Украине

ISBN 978-966-378-360-4

© ДУХ І ЛІТЕРА, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5	Крым: Путин против реальности	128
Гражданская история. Предисловие	7	Свобода говорить по-русски есть только в Украине	139
«Даже не прошлое»: украинская история, российская политика, европейское будущее	17	Ультраправые силы влияют на действия России в Крыму	142
Статьи 2013–2014 гг.		Фашизм, Россия и Украина	148
Выход для Украины?	61	У путинской идеологии фашистские корни	159
Украина без Путина	68	Проект Путина	166
Украина: новая диктатура	74	Пропагандистская война России угрожает украинским евреям	189
Не дайте Путину захватить Украину	78	Решающее значение битвы в Украине	194
Зангвования с прошлым	83	Правые объединятся, Путин их возглавляет	213
Надежды на мир в Украине затмила новая трагедия	92	Украина: рубеж демократии	221
Что должен сделать Запад для Украины	96	Новый статус-кво в Европе: «Украина воюет за нас»	226
Уважаемый Кремль, осторожнее с Крымом!	102	Противоядие от фашистов	238
Украина в пропагандистском тумане	107	В безумном и лживом мире Путина готовится злодейство	243
Путин скрывает уязвимость за маской лицемерия. Вот его слабые места	119		
Если Россия проглотит Украину, европейской системе конец	123		

ОТ РЕДАКЦИИ

Профессор Йельского университета Тимоти Снайдер известен в научных кругах прежде всего двумя фундаментальными монографиями: «Реконструкция наций» и «Кровавые земли»¹. Переведенные на множество языков и получившие ряд авторитетных наград, эти труды вывели автора в число крупнейших в мире специалистов по истории Восточной Европы.

Книга «Украинская история, российская политика, европейское будущее» относится к особому жанру. Здесь собраны статьи и публичные выступления Тимоти Снайдера, опубликованные с декабря 2013 по август 2014 года.

Тимоти Снайдер оказался одним из первых и наиболее авторитетных западных интеллектуалов, осмысливших драматические события новейшей украинской истории в широком историко-культурном контексте. В своих статьях и интервью «на злобу политического момента» Снайдер выступает не просто как публичный интеллектуал, а именно как профессиональный историк, точно знающий, какие факты прошлого нужно вспомнить для адекватного понимания сегодняшних новостей.

Тексты Снайдера поражают редкостным сочетанием глубины мысли и простоты ее изложения. Он последовательно разоблачает исторические мифы рос-

сийской пропаганды; анализирует избирательность исторической памяти европейцев о Второй мировой войне и Холокосте; жалеет о близорукости западных левых и раскрывает закономерность союза Путина с европейскими ультраправыми. В целом, из ряда острых и точных текстов Снайдера складывается полноценная картина украинской и европейской истории последних столетий, десятилетий и месяцев.

Особым событием стала лекция Тимоти Снайдера в Киево-Могилянской академии, приуроченная к открытию им же задуманной и организованной конференции «Думать с Украиной» (*Ukraine: Thinking Together*). В этой книге впервые публикуется полная расшифровка аудиозаписи самой лекции и последующей дискуссии.

Большая часть текстов публикуются по-русски впервые².

Книги Тимоти Снайдера, вышедшие в русских и украинских переводах:

Снайдер Т. Перетворения наций. — Киев: Дух і Літера, 2012.

Снайдер Т. Червоный князь. — Киев: Грані-Т, 2011.

Снайдер Т. Криваві землі. — Киев: Грані-Т, 2011.

Снайдер Т. Реконструкция наций. — М. — Wrocław: Летний сад. Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака-Езераньского во Вроцлаве, 2013.

¹ The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999 (Yale University Press, 2003); Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin (New York, Basic Books, 2010).

² В отдельных случаях, с разрешения издателей, с благодарностью воспроизводятся материалы, публиковавшиеся на сайтах *Gefter.ru* и *Day.kiev.ua*.

ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Как изучение истории может помочь нам понять сегодняшний день? Какой прок от знания прошлого Восточной Европы, когда речь идет об осмыслении украинской революции и российской интервенции? Или, обобщая: какаля польза от чувства истории, от ощущения точной и определенной связи сегодняшних и прошлых событий? В последние недели 2013 года протесты на Майдане совпали с глубокой переориентацией российской внешней политики, а значит, и российской пропаганды. В результате российские СМИ заговорили о заговоре фашистов, гомосексуалов и фашистских гомосексуалов там, где в действительности речь шла о спонтанной попытке миллионов людей защитить свои основные права и чувство собственного достоинства.

Историков часто просят предсказать будущее. Обычно мы не можем этого сделать. Мы даже не можем предсказать прошлое: специалист в одной области истории не может без детального исследования сколько-нибудь уверенно говорить о том, что происходило в другом месте и в другой исторический период. Зато историки иногда могут исключать возможности. Мир возможного очень широк, но мир невозможного еще шире. Истории живут в мире ограничений, где нет ничего совершенно нового и где сегодняшние возможности всегда каким-то образом ограничены фактами прошлого. Как утверждал Исайя Берлин в своем велико-

лепном исследовании русских мыслителей, историки не всегда точно знают, что происходит. Однако историки способны достаточно точно определять, что не происходит. Отличить сам Майдан от российской пропаганды о Майдане было довольно легко — по крайней мере, для серьезных историков. Конечно, помогло знание языков, контакты с людьми на Майдане, реальное присутствие в Киеве. Информация из первых рук позволяла понять, что происходит. Но уверенность в том, что российская пропаганда не описывает происходящее, давалась значительно легче, чем исчерпывающее описание самих событий. Различение пропаганды и факта было исходным упражнением в том, что Берлин называл «чувством реальности». При всей его элементарности, в первой половине 2014 года это упражнение было очень важным.

Профессиональная ответственность историков предполагает также сознательное различение поиска исторической правды и искажения исторической памяти. И в советские времена, и сегодня кремлевские архитекторы политики памяти уверены, что хорошие историки или наивны, или лицемерны, раз они утверждают, что верят в существование истории как особого предмета, превосходящего потребности сегодняшней политики, и пытаются понять человеческий опыт, а не манипулировать им. Но историки, всерьез стремящиеся понять человеческий опыт, действительно существуют, как существуют и манипуляторы. Конечно, здесь трудно провести четкую линию. Человек, бывший порядочным историком в одной ситуации, может стать пропагандистом в другой. Организации, публикующие хорошие книги по истории, могут также участвовать в политических кампаниях. Однако различие между на-

укой истории и политической памятью так же реально, как различие между любовью и порнографией. Возможно, историки не в состоянии провести абсолютно четкую черту между наукой и политикой, но они могут достаточно уверенно сказать, какие утверждения о прошлом делаются с чисто политической целью. Конкретно в случае России специалистам следует также учитывать особые советские традиции исторической пропаганды: употребление слова «фашизм» как общего ругательного обозначения всех тех, кого считают врагами интересов Москвы; использование Второй мировой войны для оправдания любой советской (теперь российской) политики; полное и абсолютное безразличие к исторической реальности как таковой.

В конце 2013 и начале 2014 года именно эти способности — чувство реальности и различие истории и политики — дали некоторым историкам определенное преимущество перед другими комментаторами. Третье преимущество, по крайней мере, в начале, касалось того, как читать (слушать, смотреть) источники. В Соединенных Штатах и в какой-то степени в Европе первой задачей журналиста считается поиск «баланса» двух противоположных точек зрения. Российские пропагандисты, как и всякие другие, стремятся злоупотребить этой щепетильностью, представляя свою точку зрения с подавляющей убедительностью. Важнее всего телевизионные новости, особенно в России и в Украине, — а это значит, что одна и та же точка зрения неизменно передается разными образами и эмоциями с почти безусловными ежедневными оттенками. Так, российская пропаганда могла с большим успехом утверждать, что Украина — не государство, но украинское государство

притесняет русских в Украине; что украинский язык — не язык, но русских в Украине заставляют говорить по-украински; что украинцы — не нация, но все украинцы националисты, и так далее. Российские пропагандисты не просто преувеличивали какие-то аспекты реальности: они допускали открытые и кричащие противоречия, потому что их целью было усиление своей «точки зрения» в ежедневных новостях. В отличие от некоторых других комментаторов, историкам доступна роскошь осмысления своих источников на определенной временной дистанции. При этом они замечают подобные противоречия и могут заняться их анализом. В случае России конца 2013 — начала 2014 года важнейшим было противоречие между официальной критикой Украины как фашистской и реальной российской политикой, которая в некоторых отношениях как раз напоминает 1930-е годы.

Здесь срабатывает некий род исторической эмпатии. В случае Майдана и войны России против Украины, как и в других подобных случаях, история обычно используется как аналогия. Некоторые проводят сравнение с уничтожением Австрии и Чехословакии нацистской Германией в 1938 и 1939 годах; другие говорят, что подобные исторические аналогии страдают дурновкуем или всегда неточны. Эмпатия историка помогает ему иначе отнестись к этим аналогиям. Совершенно очевидно, что сам Владимир Путин задумывается о 1930-х. Можно не соглашаться с его трактовками, но нельзя не заметить, как часто он ссылается на этот период в своих речах и интервью. Кроме того, общеизвестно, что Владимир Путин читает определенных толкователей истории. В целом это люди, прославляющие величие поздней Российской империи, или же те, кто в 1920-е и 1930-е годы

стремились объяснить ее крушение. Можно было бы пожелать, чтобы Путин читал другие книги; но читать он читает, это вполне ясно. Это означает, что исторические аналогии не навязываются кем-то извне. Исторические аналогии вписаны в саму ситуацию, поскольку находятся в уме человека, принимающего важнейшие решения. Мне лично кажется, что Путин понимает этот период истории лучше своих западных противников.

Историки, которым довелось специализироваться на 1930-х, могут лучше других оценить, как Путин понимает это время; но они могут также почувствовать, куда ведет его трактовка. Когда люди на Западе слышат слова «Мюнхен» или «аншлюс», они обычно припоминают такие общие понятия, как Холокост или Вторая мировая война. Это понятно, но непродуктивно. Путин же, похоже, понимает, что уничтожение Австрии и Чехословакии устранилось осенью 1938 и весной 1939 года, как и уничтожение Польши военной силой осенью 1939 года, были прежде всего ударом по идее суверенитета и по европейской системе суверенных государств. Уничтожение Польши было не немецкой, а немецко-советской акцией. Когда Красная армия вторглась в восточную Польшу в сентябре 1939 года, советская пропаганда главным образом утверждала, что польского государства больше нет, а его меньшинства нуждаются в защите. То же самое заявляет российская пропаганда о событиях в восточной Украине 2014 года. Возможно, это сходство объясняется институциональной памятью. Но столь же вероятно, что Путин и его окружение, в отличие от почти всех жителей Запады, помнят про успех советской тактики разрушения соседних государств в 1939 и 1940 годах.

Конечно, многое отличается; однако генеральная линия сегодняшней российской политики очень схожа с событиями тех лет. Союз Сталина с Гитлером в 1939 году основывался на весьма конкретном расчете: Германия поможет СССР сокрушить Польшу, а затем вступит в долгую и кровопролитную войну с Британией и Францией. В конце концов Советский Союз выйдет триумфатором, потому что его капиталистические враги обескровят друг друга. В 2014 году, как и в 1939, Москва ищет союзников среди ультраправых. К счастью, сейчас в основных европейских государствах нацисты или фашисты не находятся у власти, как это было в 1930-е годы. Однако неонацисты и фашисты стали самыми пылкими почитателями и помощниками Путина. После того, как Россия вторглась в украинский Крым, она организовала там фарсовый «референдум», чтобы легитимизировать переход региона в состав России. То же самое сделали советские оккупационные силы в Польше в 1939 году. На этот раз «наблюдателями» на крымском «референдуме» стали западноевропейские неонацисты, фашисты и ультраправые популисты. Иными словами, как Сталин ожидал, что Гитлер поможет ему разрушить отдельные государства, а с ними и саму систему суверенных государств, так Путин заключает союз с европейскими ультраправыми в надежде разрушить украинское государство и Европейский союз. Эта аналогия не усматривается и не навязывается западными наблюдателями; похоже, что она работает в сознании самого Путина. Путин видит исторические возможности, невидимые для его оппонентов; в этом его сила. Но он переоценивает силу идей и пропаганды; в этом его слабость. И Европейский союз, и Украина крепче, чем ему, по-видимому, кажется.

Историкам также легче, чем другим, распознавать ложные идеи. Подобно теоретикам права нацистской Германии, Путин заявляет (и, кажется, сам верит), что суверенитет — это вопрос факта, а не права, а факты создаются силой, а не согласием. Поэтому такое образование, как Европейский союз, в котором государства добровольно ограничивают свой суверенитет, на самом деле не может существовать или же обречено на «улядок» (используя самый популярный ругательный термин). Следует признать, что Путин добился значительного успеха, апеллируя к мужскому эго многих лидеров стран Европы. Харизмой и деньгами он привлек к себе многих европейских политиков, готовых поддержать его идею возвращения к Европе великих держав. Авторитарные лидеры вроде Орбана в Венгрии подражают Путину и помогают расширить российское влияние в ЕС. Тот факт, что в экономических отношениях между Европой и Россией доминирует торговля нефтью и газом, означает, что в распоряжении Путина мощное лобби. Но есть лоббисты и с другой стороны. Объем торговли Германии с Польшей выше, чем торговли Германии с Россией, так что со временем голос мелких производителей может быть услышан. Польские лидеры понимают историческую политику России, а Польша сейчас один из основных игроков в ЕС. Европейские избиратели мало беспокоятся об Украине, но их может мобилизовать расстрел российскими военными гражданского самолета, полного европейцев.

Но настоящая слабость внешней политики Путина — предположение, что на самом деле Украина не государство. Это предположение глубже, чем политика или пропаганда; это пример эмоции, затмевающей разум. По каким-то причинам Путин всегда чересчур эмоци-

онально относился к Украине. И именно в Украине раз за разом проявлялась уязвимость Путина. Его вмешательство в ход «Оранжевой революции» 2004–2005 годов привело к обратному результату. Попытка помешать Украине подписать соглашение об ассоциации с Евросоюзом в конце 2013 года тоже привела к обратному результату. Вторжение в Крым и аннексия Крыма, а также военная интервенция в Луганскую и Донецкую области, представленные в российских СМИ как величайший успех, тоже были провальными. Захват Крыма должен был показать, что украинского государства не существует; на деле же он привел к президентским выборам и формированию нового правительства. Интервенция в Луганскую и Донецкую области должна была дестабилизировать украинское государство; на деле же она привела к очень быстрой реформе украинских спецслужб и украинской армии, то есть к укреплению украинского государства. С конца 2013 года я постоянно говорю, что эта основополагающая ошибка — вера в то, что на самом деле Украины нет — представляет собой величайшую угрозу для самой России. Эта ошибка означает, что любое российское вторжение потерпит неудачу, потому что противодействие будет сильнее, чем ожидается, и значит, будет требовать дальнейшего российского вторжения. Российская эскалация конфликта увеличивает риск для режима Путина, поскольку теперь он обязан победить в войне, которой даже не ожидал, и подвергает риску российское население, поскольку изолирует россиян от остального мира.

Майдан, помимо всего прочего, был демонстрацией жизнеспособности украинской нации. Трудно сказать, в каких еще странах к востоку или западу от Украины

люди в 2014 году способны организовать такие невероятные масштабные протесты или рискнуть жизнью за основополагающие ценности гражданских прав и человеческого достоинства. Майдан представлял идею гражданского общества, каким его видели восточноевропейские диссиденты 1970-х и 1980-х: как силы, представляющей общество не в лице правительства, причем цели этой силы не ограничиваются сменой правительства. Гражданское общество предполагает, что политика — это не линия, а треугольник; политика не сводится к взаимоотношениям индивида и режима, а непременно должна включать еще третью сторону: взаимоотношения между людьми, придающие смысл идеям прав и человеческого достоинства. Кроме того, в политике важны не только власть, но и ограничения и предсказуемость: верховенство права, благодаря которому не нужно всякий раз заново определять характер общественных взаимоотношений. В российской пропаганде украинского общества нет, есть только сеть заговоров. Поскольку Украины нет, все происходящее в Украине должно быть результатом зловещих планов, созданных в какой-то иностранной столице. Эта пропаганда говорит об Украине, но прежде всего в ней речь идет о самой России. Майдан был революцией, во многом организованной на русском языке, в русскоговорящем городе, жителями постсоветской страны. Чтобы нынешняя российская система могла выжить, в России такое должно быть немислимо.

Здесь история преподает нам три урока. Первый: гражданское общество может существовать и существует. Второй: гражданское общество может притесняться и притесняется. Третий: борьба между теми, кто хочет придушить гражданское общество, и теми, кто стре-

мится его воплотить, была и остается центральным элементом истории, на уровне, превосходящем историю отдельных наций. Речь идет о двух разных и взаимоисключающих взглядах на политику и общество. В этом смысле протестующие на Майдане вполне оправданно отождествляли себя с Европой, под которой они понимали мир предсказуемости, закона и прав; в этом смысле лидеры России по-своему правы, отвергая Европу, поскольку их собственное правление не переживет любого серьезного столкновения с этими идеями или с большим количеством носителей этих идей. В середине находятся сами европейцы, жители стран-членов Евросоюза: история России и Украины должна показать им уязвимость того способа жизни, который многие из них принимают как данность. Европейский союз был разумным и эффективным ответом истории; но это не выход из истории, поскольку такого выхода не существует. Европейский союз не обязательно развалится в результате сегодняшнего кризиса; но он может развалиться. Эта возможность все еще актуальна, а происходящее все еще зависит от самих европейцев. Евросоюз, вместе с Украиной, остается мишенью российской политики, потому что воплощаемые им идеи могут разрушить российский режим. Впрочем, конечно, нет ничего специфически европейского или украинского в идее, что закон лучше деспотической власти, а свободный союз лучше одиночества в страхе. Определить Россию как врага гражданского общества — это политический акт, но этот акт не ставит в истории последнюю точку.

*Перевод Алексея Панича
Под редакцией Любови Сумм*

КРЫМ: ПУТИН ПРОТИВ РЕАЛЬНОСТИ

Оригинал: «Crimea: Putin vs. Reality»,
07.03.2014, The New York Review of Books
<http://www.nybooks.com/blogs/nyrblog/2014/mar/07/crimea-putin-vs-reality/>

Российское вторжение и оккупация украинского полуострова Крым стали бедствием для европейского мирного порядка. Но еще важнее понять, что именно русский президент Владимир Путин думает о собственных действиях. Подсказки прямо перед нами, в риторике непрерывной кремлевской пропагандистской кампании в российских СМИ. Среди непрерывно повторяющихся понятий — «фашистский переворот» в Украине и страдающие от него «русские граждане». Путин оправдывает оккупацию части Украины и угрозу захвата всей страны спасением местных русских от фашистов.

Давайте рассмотрим каждое из этих утверждений по очереди. Действительно ли нынешнее украинское руководство пришло к власти в результате фашистского переворота? Как знает каждый, кто наблюдал за ходом этих событий, в массовых протестах против режима Януковича, начавшихся в прошлом ноябре, приняли участие миллионы людей всех профессий и званий. После того, как 20 февраля режим безуспешно попытался подавить протест, расстреливая митингующих с крыши близлежащих домов, переговорщики от Европейского союза подготовили договор, согласно которому Янукович должен

был уступить власть парламенту. Вместо того, чтобы выполнить свое обещание и подписать соответствующие законодательные акты, Янукович бежал в Россию.

Парламент провозгласил, что президент отказался от выполнения своих обязанностей, и, следуя положенному в таких случаях протоколу, самостоятельно продолжил процесс конституционной реформы. Президентские выборы были назначены на май, было сформировано новое правительство. Премьер-министром стал либеральный консерватор, одним из двух вице-премьеров — еврей; губернатором важной Днепропетровской области на востоке Украины был назначен руководитель Объединенной еврейской общины Украины. Можно, конечно, обсуждать конституционные нюансы, но этот процесс не был переворотом. И уж точно он не был фашистским. Сокращение полномочий президента, назначение президентских выборов и восстановление демократических принципов — все это прямо противоположно тому, чего потребовал бы фашизм. Лидеры еврейского сообщества недвусмысленно заявили о своей поддержке нового правительства и своем полном неприятии российского вторжения.

Из восемнадцати министерских постов нового правительства три заняты членами правой партии «Свобода». Согласно недавнему опросу общественного мнения, поддержка ее лидера составляет меньше двух процентов голосов — при том, что опрос проводился после начала российского вторжения в Крым, а это, казалось бы, могло сыграть на руку националистам. В любом случае, это единственное зерно правды, из которого, по традиционным рецептам пропаганды, был состряпан путинский «фашистский переворот».

Второму утверждению, что российские граждане в Украине подвергаются притеснениям, недостает даже такого зерна. За последние несколько месяцев в Украине был убит только один российский гражданин. Угроза пришла к нему не со стороны участников протестов или нынешнего украинского правительства. Как раз наоборот. Он сражался за украинскую революцию и был убит пулей снайпера.

В любом случае, поскольку украинское законодательство не предусматривает двойного гражданства, в этой стране проживает совсем немного граждан России. Но давайте посмотрим, кто они. Одна примечательная группа — это солдаты и моряки на военной базе в Севастополе. Поскольку это военные, находящиеся на военной базе, им вряд ли пужна защита. Другая значительная группа — замаскированный российский спецназ, который сейчас оккупировал Крым. Третья группа — россияне, завезенные автобусами через границу, чтобы устраивать пророссийские демонстрации и избивать украинских студентов в городах восточной Украины. Последняя группа российских граждан — это бывшие сотрудники особого подразделения милиции, участвовавшие в разгоне демонстраций. Получив в качестве награды российский паспорт, они теперь могут беспрепятственно ездить в Россию. Ни одна из этих групп, как бы мы ни напрягали воображение, не может быть убедительно описана как притесняемое меньшинство, которому нужна защита.

Путин и другие размывают категорию гражданства, говоря о русских «соотечественниках». Эта категория не имеет правового статуса. Под соотечественниками Путин имеет в виду тех, кого российское правительство

считает русскими — или тех, кто, по мнению Кремля, считает себя русскими — а значит, нуждающимися в его защите. Подобный же аргумент о необходимости защиты *Volksgenossen* [буквально, «товарищей по народу» — выражение германских фашистов. — Прим. перев.] был весьма эффективно использован Адольфом Гитлером в 1938 году для объявления германских притязаний на Австрию и позже на Судетскую область Чехословакии. Гитлеровская подмена государственных границ границами этнической принадлежности привела к Мюнхенской конференции, уступкам и Второй мировой войне. Российский историк Андрей Зубов развил сравнение с нацистской агрессией еще дальше, проводя параллели между действиями Путина и аншлюсом, и напоминая о том, что аншлюс привел к войне, обернувшейся против тех, кто ее начал. Эта параллель была также отмечена главным раввином Украины.

Даже если бы защита *Volksgenossen* была законно обоснована, сложно было бы понять, кого следует считать таковыми. Действительно, украинцы говорят на русском, но это не делает их русскими, точно так же, как то, что я пишу по-английски, не делает меня англичанином. Языковой вопрос легко может сбить с толку. Граждане Украины обычно говорят на двух языках, украинском и русском. Русские, подобно тем, на кого рассчитана их пропаганда, редко бывают двуязычными. Вот почему оказалось достаточно просто уравнивать способность говорить по-русски с русской идентичностью, требующей российской защиты. Конечно, некоторые граждане Украины считают себя русскими — таких около 17 процентов населения — но это не означает, что они подвергаются дискриминации или идентифицируют себя с российским

государством. Даже в Крыму, где эмоциональные связи с украинском государством слабее всего, только один процент населения считает Россию своей родиной.

Во время недавних многочисленных протестов русскоязычные украинцы и представители этнического русского меньшинства в восточной Украине четко заявили, что они категорически отвергают какие-либо утверждения о том, что им необходима защита России. Одна петиция от русскоязычных и русских в Украине просила Путина оставить украинских граждан в покое, чтобы они сами решали свои проблемы. Ее подписало 140 тысяч человек. Это может показаться удивительным, поскольку каждый подписавший петицию знает, что он (или она) может попасть в немилость к российским властям, если Россия действительно захватит всю Украину. Но на самом деле все логично. Русские в Украине пользуются основополагающими политическими правами, а русские в Российской Федерации лишены таких прав.

Почему же эта пропаганда так важна для режима Путина, несмотря на ее явную абсурдность? Самый очевидный ответ заключается в том, что пропаганда выполняет техническую роль, подготавливая людей к войне. Великолепная пропагандистская машина, подобная российской, способна повторять свое сообщение снова и снова, чуть по-разному и в разных форматах. Множество людей на Западе сейчас распространяют российскую пропаганду — иногда за деньги, иногда из невежества, иногда по причинам, понятным только им самим. Тем, кто повторяет российские пропагандистские идеи, не требуется убеждать каждого; они должны лишь определять рамки дискуссии. Если жители свободных обществ позволят определять правила их дискуссии

правителям несвободных обществ, они и не заметят, как вокруг них разворачивается история (в Европе только что произошла революция!), и не поймут безотлагательность определения политики в отчаянной ситуации (одна европейская страна только что вторглась в другую!). Пропаганда может исполнять свою техническую функцию, какой бы абсурдной она ни была.

Однако у пропаганды есть более глубокая и важная функция. Пропаганда, по крайней мере в прежнем Советском Союзе, была не отредактированной версией реальности, а скорее ключевым звеном попытки создания иной реальности. Когда мы опровергаем пропаганду фактами и аргументами, и даже когда мы обсуждаем ее социальную функцию, мы предстаем как обитатели определенного ментального мира, в котором мы изначально признаем ограниченность наблюдения и разума, и пытаемся изменить ситуацию на основе того, что, по нашему мнению, мы видим и понимаем. Но это не единственная возможная психическая реальность. В Советском Союзе многие, вярившие в обещания коммунизма, считали будущее не менее (если не более) реальным, чем настоящее. Советская пропаганда создавала не версию мира, в котором мы живем, а скорее образ будущего мира. Если мы так посмотрим на нынешнюю российскую пропаганду, мы поймем, почему ее авторов совершенно не беспокоят фактические ошибки и противоречия.

Возьмем, к примеру, идею еврейских нацистов, с которой нужно разобраться, если допустить, что нынешняя кремлевская пропаганда о революции в Киеве имеет хоть какое-то логическое основание. Утверждается, что нацисты совершили переворот; в наблюдаемой

реальности мы видим, что некоторые люди в новой власти — евреи. И затем мы выражаем свой скептицизм по поводу того, что евреи могут быть нацистами или что нацистский переворот мог поставить евреев во главе украинского государственного аппарата.

Однако в идеологии Советского Союза и его коммунистических союзников идентификация евреев с нацистами была удобной для власть имущих, так что еврейские нацисты стали пропагандистской реальностью. За годы, предшествующие смерти Сталина, Израиль стал частью «международного заговора», управляемого фашистами на капиталистическом Западе. После Шестидневной войны Советы представили израильских солдат и граждан имитаторами Вермахта и СС. Эта пропаганда привела к изгнанию евреев из коммунистической Польши. Тот факт, что евреи уехали из Польши в Израиль и США, был представлен как доказательство того, что они все это время были фашистами. Режим почитал нападки на евреев политически удобными для собственного будущего, поэтому евреи, так сказать, были превращены в нацистов.

Таким образом, пропаганда — это не дефектное описание реальности, а сценарий для последующих действий. Если мы рассмотрим пропаганду Путина в этом советском ключе, мы поймем, что вторжение в Крым было не реакцией на реальную угрозу, а попыткой создать такую угрозу, чтобы вызвать взрыв насилия, способный изменить мир. Пропаганда — часть действия, которое она призвана оправдывать. С этой точки зрения, российское вторжение могло привести к ответной реакции националистов в Украине, которая могла бы сделать российскую историю о фашистах, так

сказать, ретроспективно истинной. Если Украина будет не в состоянии провести выборы, она будет менее похожей на демократию. Выборы назначены, но их нельзя провести в регионах, оккупированных иностранными войсками. Таким образом, военные действия могут сделать пропаганду похожей на правду. Даже Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе не может осуществлять свою наблюдательную миссию.

Более того, на пресс-конференции 4 марта Путин заявил, что украинское государство больше не существует как таковое, а значит, оно не защищено договорами или законом. Это весьма радикальная позиция, особенно если вспомнить выводы нацистских юристов о Польше после немецкого вторжения в эту страну в 1939 году. Отсутствие государственности как будто оправдывает любые военные действия без юридических ограничений, ведь Украина, с этой точки зрения, оказывается территорией вне закона.

Когда парламент Российской Федерации единогласно, в уместно-старомодном советском стиле, дал Путину право вести войска в Украину, он определил целью войны «нормализацию социально-политической ситуации». Это эффектная риторика, поскольку она неявно предполагает, что мировые события, реальная политика и общество настоящей Украины ненормальны. Кроме того, это формулировка с ужасающими последствиями. Сколько насилия нужно применить и сколько нужно сменить поколений, чтобы украинское общество было «нормализовано», то есть устранена якобы искусственная западная идея демократии, и забыта якобы искусственная украинская национальная идентичность? Цена и для русских, и для украинцев была бы ошеломляющей, практически невероятной.

Возможно, мы не видим той новой реальности, почву для которой готовит российская пропаганда. Однако похоже, что Путин, по крайней мере иногда, уже обитает в этой реальности. Немецкий канцлер Ангела Меркель — уроженка восточной Германии, говорящая по-русски и знающая кое-что о коммунизме — заметила, что Путин живет «в ином мире». Но что если эта пропаганда, уже эффективно притупившая чувствительность Запада, не сможет претворить новый мир в реальность?

Когда Путин, ссутулившись в своем кресле, сидел на своей пресс-конференции и перемежал остроты с противоречивыми утверждениями, создавалось впечатление, что он пытается согласовать тактику и идеологию. С одной стороны, он показал себя прекрасным тактиком, гораздо более гибким и беспощадным, чем почти все его противники. Свой план в Крыму он реализовал блестяще. Он нарушил все правила в акте насилия, который должен был проложить путь в подлинный мир, мир его мечты, мир благодатного собирания Россией русских земель и людей.

Однако это драматическое действие не претворяло в жизнь воображаемую реальность. Украина не повела себя как русская земля, страдающая под гнетом временной власти кучки фашистов, чей переворот можно упразднить. Напротив, она выглядит как страна, чье революционное настроение только упрочилось под угрозой иностранного вторжения. Как сказал несколько дней назад главный раввин Украины, «во время революции было много разных мнений, но сейчас все это в прошлом». Он продолжил: «Нам противостоит внешняя угроза под названием Россия. Она объединила всех».

Сейчас по всей стране собираются протесты против российской оккупации, даже на юге и востоке, где большинство людей смотрят российские каналы и экономика тесно связана с Россией. Украинцы, еще недавно конфликтовавшие друг с другом по поводу собственной революции, сейчас вместе протестуют под единым флагом. В некоторых местах, например в Харькове, произошли жестокие стычки, но они были спровоцированы россиянами, завезенными через границу на автобусах. Вряд ли избитие украинских студентов российскими «туристами» (как с типичным юмором называют их украинцы) способствует тому, что украинцы начнут считать себя российскими «соотечественниками».

Военная форма без знаков отличия российского спецназа в Крыму говорит сама за себя. Вторжение должно было стать стремительным жестом, который изменил мир. Но с каждым новым днем эти лыжные маски и формы без знаков отличия все больше кажутся символом стыда, колебания и безответственности — более того, отрицания реальности. Под крымским солнцем «черные операции» [американское сленговое обозначение тайных операций. — *Прим. пер.*] вдруг посерели. Должно быть, Путину было приятно возглавлять операцию, в которой его войска могут делать вид, что они появились из ниоткуда. Но с его стороны было удивительно по-детски отрицать на пресс-конференции то, что знали все: что это российские войска. Ему как будто хотелось, чтобы тактическая игра продолжалась как можно дольше, чтобы можно было еще немного пометать. Украинские моряки в Крыму ответили ему достаточно резко, четкими русскими фразами, сформулированными гораздо лучше, чем выступление самого Путина.

Цена совершенного Россией вполне реальна — для Европы, Украины и для самой России. Российская пропаганда элегантно обосновала российскую тактику и детально определила российскую мечту об Украине. Но, в конечном итоге, пропаганда оказалась единственной связкой между тактикой и мечтой, и эта связка выдает желаемое за действительное. Нет реальной политики или стратегии, есть только талантливый, раздираемый противоречиями тиран, колеблющийся между ментальными мирами, связанными только тканью лжи. Путин стоит перед выбором: прибегнуть к значительно большему насилию в надежде, что следующая волна, наконец, воплотит его мечту, или попытаться найти выход, дающий ему возможность провозгласить частичную победу — что было бы мудро, но крайне обидно. Похоже, он чувствует всю тяжесть этого выбора.

*Перевод Марины Соколян
Под редакцией Алексея Панича*

ФАШИЗМ, РОССИЯ И УКРАИНА

Оригинал: «Fascism, Russia, and Ukraine»,
20.03.2014, The New York Review of Books
<http://www.nybooks.com/articles/archives/2014/mar/20/fascism-russia-and-ukraine/>

Первыми, кто вышел на Майдан в ноябре прошлого года с протестом против режима президента Виктора Януковича, были студенты. Это были украинцы, рисковавшие очень многим; молодые люди, интуитивно ощущающие себя европейцами. Они хотели европейской жизни в европейской Украине. Многие из них придерживались политически левых взглядов, некоторые достаточно радикальных. Причиной протеста стало то, что их правительство, руководимое президентом Януковичем, после многих лет переговоров и многих месяцев обещаний в последний момент отказалось подписать всеобъемлющее торговое соглашение с Европейским союзом.

Когда специальный отряд полиции в конце ноября избил этих студентов, на Майдан пришли новые люди: ветераны Афганистана. По их собственным словам, эти зрелые люди, бывшие солдаты и офицеры Красной Армии, многие со шрамами от боевых ранений, пришли, чтобы защитить «своих детей». Речь шла не об их собственных сыновьях и дочерях, а о лучших представителях молодежи — гордости и будущем страны. Вслед

за ветеранами-афганцами пришли многие другие — десятки, а затем и сотни тысяч, не столько ради Европы, сколько в защиту человеческого достоинства.

Что значило прийти на Майдан? Эта площадь расположена вблизи от некоторых основных правительственных зданий и теперь уже считается традиционным местом протестов. Интересно, что в украинском языке есть слово *майдан*, а в русском нет, но даже русскоговорящие теперь используют это слово, учитывая его новые смыслы. Слово *майдан* пришло в украинский язык из арабского, где оно означает «площадь», «общественное место». Но теперь *майдан* в украинском языке означает то же, что в английском означает греческое слово «агора»: не просто рыночную площадь, где люди встречаются друг с другом, а место их целенаправленной встречи, чтобы вместе рассуждать, произносить речи и создавать политическое общество. Во время протестов слово *майдан* стало означать сам акт публичной политики, так что, к примеру, люди, организующие протестные акции и защищающие других протестующих на своих автомобилях, называют себя *автомайдан*.

В составе протестующих представлены все группы украинских граждан: русскоязычные и украиноязычные (хотя большинство украинцев двуязычные), горожане и сельские жители, представители всех регионов страны, члены всех политических партий, молодые и пожилые, христиане, мусульмане и иудеи. На Майдане стоят верующие всех основных христианских деноминаций и священники большинства из них. В значительных количествах на Майдане представлены крымские татары; в поддержку Майдана высказались лидеры еврейской общины. Разнообразие Майдана впечатляет: к приме-

ру, юные феминистки возглавили группу, дежурящую в больницах и охраняющую раненых, чтобы их не похитили представители режима. Важную «горячую линию», куда протестующие могут позвонить с просьбой о помощи, обеспечивают активисты ЛГБТ.

16 января украинское правительство, возглавляемое Виктором Януковичем, попыталось задуть украинское гражданское общество. В спешке и без соблюдения нормальной процедуры были приняты законы, отменяющие свободу слова и собраний и убирающие последние рычаги сдерживания исполнительной власти. Целью было превращение Украины в диктатуру и провозглашение всех участников Майдана, которых к тому времени было уже несколько миллионов, преступниками. Результатом оказалось превращение до сих пор исключительно мирных протестов в силовые акции. Янукович утратил поддержку даже в базовом для себя юго-восточном регионе, по соседству с границей России.

После многих недель мирной реакции на аресты и избияния активистов специальными силами полиции у многих украинцев, наконец, лопнуло терпение. Группа протестующих, частично состоявшая из представителей политических правых и ультраправых, решила выступить в силовое противостояние с полицией. Среди них были члены ультраправой партии «Свобода» и нового конгломерата националистов, называющего себя «Правый Сектор». Юные представители этих правых сил вместе со многими другими протестующими попытались силой захватить некоторые участки в центре города, зачищаемые отрядами полиции. Юные евреи сформировали для борьбы с представителями власти свою боевую группу или *сотню*.

Хотя Янукович отменил большинство диктаторских законов, незаконное насилие, развязанное режимом в ноябре, продолжилось и в феврале. Оппозиционеров убивали, расстреливали или поливали водой на морозе, чтобы те умерли от гипотермии. Других после пыток оставляли умирать в лесу.

За первые две недели февраля режим Януковича попытался восстановить часть диктаторских законов с помощью декретов, бюрократических репрессий и новых подзаконных актов. 18 февраля были внезапно отменены объявленные ранее парламентские дебаты о конституционной реформе. Вместо этого правительство бросило против протестующих тысячи полицейских. Сотни людей были ранены резиновыми пулями, поражены слезоточивым газом, избиты дубинками; десятки были убиты.

* * *

Будущее этого протестного движения зависит от украинцев. Но начиналось оно с надежды, что когда-нибудь Украина сможет вступить в Евросоюз. Это стремление для многих украинцев означает что-то вроде верховенства права, отсутствия страха, преодоления коррупции, построения государства всеобщего благосостояния, а также свободных рынков без запугивания со стороны подконтрольных президенту синдикатов.

На ход этого протеста значительно повлиял московский проект Евразийского союза, конкурирующий с проектом Евросоюза. Речь идет о международном торговом и политическом объединении, которое пока не существует, но должно быть создано в январе 2015. Не в пример Евросоюзу, Евразийский союз не основан

на принципах равенства и демократии входящих в него государств, верховенства права или защиты прав человека.

Напротив, это иерархическая организация, которая вряд ли примет в свои ряды демократические государства, основанные на верховенстве права и защите прав человека. Любая демократия в рамках Евразийского союза будет угрозой путинскому правлению в России. Путин хочет видеть Украину в составе своего Евразийского союза — а значит, Украина должна быть авторитарной, а Майдан должен быть сокрушен.

Диктаторские законы 16 января, очевидно, писались по российской модели и были предложены украинскими законодателями, тесно связанными с Москвой. Похоже, что Россия поставила режиму Януковича такое условие оказания финансовой помощи. До принятия этих законов Путин предложил Украине крупный кредит и пообещал снизить цены на российский природный газ. Но в январе результатом их принятия стала не капитуляция Украины перед Россией, а продолжение протестов. Люди на Майдане защитили себя. Можно лишь гадать, куда ситуация померет дальше; уверенно трактует происходящее только Кремль.

Российская пропаганда и друзья Кремля в Украине раз за разом повторяют нам, что протесты на Майдане означают возврат национал-социализма в Европу. Министр иностранных дел России отчитал немцев в Мюнхене за поддержку людей, салютующих Гитлеру. Российские СМИ постоянно утверждают, что все протестующие украинцы — нацисты. Конечно, стоит внимательно отнестись к ультраправым в украинской политике и истории. Ультраправые серьезно представ

лены в Украине и сегодня, хотя здесь их роль менее важна, чем роль ультраправых во Франции, в Австрии или Нидерландах. Однако именно режим Януковича, а не его оппоненты, прибегает к антисемитизму, сообщая своим отрядам полиции, что во главе оппозиции стоят евреи. Другими словами, украинское правительство говорит своим, что его оппоненты евреи, и говорит нам, что его оппоненты нацисты.

В аналогичных заявлениях из Москвы странно выглядит политическая идеология их авторов. Евразийский союз — враг Европейского союза, и не только стратегически, но и идеологически. В основе Европейского союза лежит исторический урок, состоящий в том, что войны двадцатого века были вызваны ложными и опасными идеями, национал-социализмом и сталинизмом; эти идеи нужно отвергнуть и преодолеть в системе, гарантирующей свободу рынков, свободу перемещения людей и государство всеобщего благосостояния. Напротив, защитники евразийства представляют его как противоположность либеральной демократии.

Евразийская идеология вынесла из двадцатого века совершенно другой урок. Основанная около 2001 года русским политологом Александром Дугиным, она предлагает реализацию национал-большевизма. Евразийство не отвергает тоталитарные идеологии, а призывает политиков двадцать первого века взять все полезное и из фашизма, и из сталинизма. Главный труд Дугина «Основы геополитики», опубликованный в 1997 году, тесно связан с идеями ведущего политического теоретика нацизма Карла Шмитта. Евразийство — не только идеологический источник Евразийского союза, но и убеждение многих сотрудников администрации

Путина, а также движущая сила весьма активного ультраправого российского молодежного движения. На протяжении многих лет Дугин открыто поддерживал идею разделения и колонизации Украины.

В Кремле за евразийство и за политику в Украине отвечает экономист Сергей Глазьев. Подобно Дугину, он также стремится сочетать радикальный национализм и ностальгию по большевизму. Глазьев был членом коммунистической партии и депутатом от этой партии в российском парламенте, а затем стал соучредителем ультраправой партии «Родина». В 2005 году некоторые депутаты от этой партии подписали петицию генеральному прокурору России, требуя запретить в России все еврейские организации.

Позднее в том же году «Родине» запретили дальнейшее участие в выборах. Причиной послужили жалобы на то, что ее реклама провоцирует расовую вражду. Самый известный рекламный ролик показывал, как темнокожие едят арбуз и бросают корки на землю, а затем призывал россиян очистить их города. Книга Глазьева «Геноцид: Россия и новый мировой порядок» утверждает, что зловещие силы «нового мирового порядка» в 1990-е годы составили заговор против России и разработали экономическую политику, которую, по сути, следует считать «геноцидом». Английский перевод этой книги опубликовал журнал Линдона Ларуша *Executive Intelligence Review* с предисловием самого Ларуша. Сегодня этот журнал повторяет кремлевскую пропаганду, распространяя по англоязычному миру росказни о том, что украинские протестующие совершили нацистский переворот и начали гражданскую войну.

Популистскую кампанию поддержки Евразийского союза в СМИ сегодня возглавляет Дмитрий Киселев, ведущий важнейшего российского ток-шоу, а с декабря еще и директор российского государственного медийного конгломерата, призванного формировать национальное общественное мнение. Киселев прославился высказыванием о том, что сердца геев, погибших в автокатастрофах, следует вырезать и сжигать. Он превратил путинскую кампанию против прав геев в оружие противодействия европейской интеграции. Например, когда министр иностранных дел Германии (он гей) посетил в декабре Киев и встретился с чемпионом мира по боксу и оппозиционным политиком Виталием Кличко, Киселев ослепил Кличко как икону гомосексуализма. По мнению российского министра иностранных дел, эксплуатация сексуальной политики теперь превращается в действенное оружие борьбы против «унадачного» Евросоюза.

Следуя той же стратегии, правительство Януковича абсолютно лживо утверждало, что для более тесных отношений с Евросоюзом от Украины требуется признание однополых браков. Киселев весьма откровенно описал российскую медийную стратегию по отношению к Майдану: «применить правильную политтехнологию», затем «довести ее до перетрева» и поместить под «увеличительное стекло ТВ и Интернета».

Почему люди с такими взглядами считают, что могут называть других людей фашистами? И почему кто-то из западных левых воспринимает это всерьез? Одно из объяснений звучит так: русские победили во Второй

мировой войне, а значит, им можно доверять, когда они называют кого-то нацистом. Но в этом утверждении много неправды. Сражения Второй мировой войны на Восточном фронте в основном протекали на территориях тогдашней Советской Украины и Советской Белоруссии, а не Советской России. Немцы оккупировали всю Украину, и только пять процентов территории России. Если не считать евреев, страдания которых намного превосходили несчастья остальных групп населения, главными жертвами нацистской политики были не русские, а украинцы и белорусы. Во Второй мировой войне сражалась не Русская армия, а Советская Красная армия. Среди ее солдат было непропорционально много украинцев, поскольку именно в Украине она понесла тяжелые потери и восполняла их за счет местного населения. Освещением освободила армейская группировка, называвшаяся Первый Украинский фронт.

Другой источник претензий евразийства на моральную легитимность таков: поскольку представители путинского режима лишь очень избирательно дистанцировались от сталинизма, их можно считать надежными наследниками советской истории, а значит, автоматически, противниками нацизма. Поэтому им можно доверять в их противостоянии ультраправым.

И в этом утверждении много неправды. Вторая мировая война началась в 1939 году с союза Гитлера и Сталина. Она завершилась тем, что СССР выслал выживших на его территории евреев в соседнюю Польшу. После основания государства Израиль Сталин заподозрил связь советских евреев с мировым капиталистическим заговором, что привело к кампании арестов, депортаций и убийства ведущих еврейских писателей.

Перед своей смертью в 1953 году Сталин готовил широкомасштабную кампанию против евреев.

После смерти Сталина коммунизм все больше и больше окрашивался в этнические тона. Поборники коммунизма, желающие возрождения его славы, утверждали, что коммунизм испортили евреи. Именно этническое очищение коммунистического наследия лежит в основе логики национал-большевизма, основополагающей идеологии сегодняшнего евразийства. Сам Путин превозносит философа Ивана Ильина, желавшего видеть Россию националистической диктатурой.

* * *

Что это значит, когда волк кричит «волки»? Очевиднее всего, пропагандисты в Москве и Киеве считают нас дураками — и, по многим признакам, делают это вполне оправданно.

Более конкретно, эта кампания стремится свести центральные противоречия в сложной стране к борьбе символических обозначений прошлого. Украина — не театр исторической пропаганды соседей, и не пазл, отдельные фрагменты которого можно выкинуть. Это крупная европейская страна, граждане которой сохраняют важные культурные и экономические связи и с Евросоюзом, и с Россией. Чтобы определить собственный политический курс, Украине нужны нормальные публичные дискуссии, восстановление парламентской демократии и рабочие отношения со всеми ее соседями. В Украине живет множество разумных и честных людей. Если жители стран Запада будут озабочены главным образом тем, можно ли считать большинство украинцев нацистами, они могут проглядеть центральные проблемы текущего кризиса.

На самом деле украинцы ведут борьбу против концентрации и богатства, и силовых ресурсов в руках Виктора Януковича и его ближайших союзников. Эти протесты могут быть примером мужества для американцев, придерживающихся и правых, и левых политических взглядов. Украинцы приносят реальные жертвы в надежде присоединиться к Европейскому союзу. Может быть, тут есть чему поучиться евроскептикам в Лондоне или где-то еще? Диалог на эту тему пока не ведется.

История Холокоста — часть нашего собственного публичного дискурса, нашей *агоры*, или нашего *майदानа*. Сегодняшняя российская попытка манипулировать памятью Холокоста кажется столь вопиющей и циничной, что тем, кому хватает глупости стать ее жертвой, когда-нибудь придется спросить себя, как и во имя чего они втянулись во все это. Если фашисты надевают мантию антифашизма, это меняет саму память о Холокосте. В дальнейшем будет сложнее сослаться на Холокост во имя какой угодно благородной цели, будь то конкретно еврейская история или общие вопросы прав человека.

Написано 19 февраля 2014

*Перевод Алексея Панича
Под редакцией Любови Сумм*

Тимоти Снайдер – американский историк, профессор Йельского университета. Специализируется на истории Центральной и Восточной Европы. Исследует вопросы национализма, тоталитаризма и Холокоста.

Родился 18 августа 1969 года в Огайо. Учился в Браунском университете (1987-1991) и Оксфорде (1991-1995).

Докторскую степень получил в 1997 году в Оксфордском университете. Работал в Национальном центре научных исследований (CNRS, Франция), а также в Венском институте наук о человеке (Institut für die Wissenschaften vom Menschen), в Варшаве и Гарварде. Преподает на историческом факультете Йельского университета.

Труды Т.Снайдера опубликованы в научных журналах различных стран на десяти языках мира, в том числе немецком, французском, польском, украинском и русском.

Автор нескольких монографий, в том числе «Кровавые земли» (Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin, Basic Books/Random House, 2010), «Красный князь» (The Red Prince: The Secret Lives of a Habsburg Archduke, Basic Books/Random House, 2008) и «Реконструкция наций» (The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999, Yale University Press, 2003).

Лауреат литературной премии «Книжка Лейпцига» (2011 г.), премии Эмерсона, и многих других наград и премий в различных странах.

